

неожиданной для того времени силой он выражен в «Пастыре» Ермы*** (ок. 140—145): «Прежде всего веруй, что един есть Бог, всё сотворивший и совершивший, приведший всё из ничего в бытие» (Заповеди, 1,1). Эта формула творения — *ex nihilo***** — была, впрочем, сама по себе библейского происхождения (2 Мак. 7:28); в дальнейшем она должна была стать, по сути, формально-техническим термином, который использовали все христианские писатели для обозначения самого факта творения.

В одно время с «Пастырем» Ермы появились творения св. Юстина (Иустина) Мученика*****. Родившийся во Флавии, в Неапо-лисе (совр. Наблус), сын родителей-язычников, Юстин обратился в христианство не позднее 132 г. и умер мученической смертью в Риме при префекте Юнии Рустике (163—167). Из его сохранившихся произведений самые важные — «Первая апология» (150), обращенная к императору Адриану, за которой вскоре последовало дополнение, — адресованная императору Марку Аврелию «Вторая апология» и «Диалог с Трифоном», написанный ок. 160 р.***** Юстин сам рассказывает о своей религиозной эволюции, и даже если рассказ в «Диалоге с Трифоном» стилизован, он тем не менее достоверно передает главные причины, по которым язычник, обладающий греческой культурой, мог обратиться в христианство ок. 130 г. В ту эпоху религиозная тема занимала большое место в самой греческой философской мысли. Обратиться в христианство нередко означало перейти от философии с религиозным духом к религии, не чуждой философского подхода к миру. Для молодого Юстина философия была «тем, что ведет нас к Богу и соединяет с Ним». Вначале он был близок к стоикам, но эти люди не знали Бога и даже однажды сказали ему, что знать Его нет необходимости. Обратившись затем к перипатетикам, он столкнулся с наставником, который захотел сначала договориться об оплате, «чтобы наши отношения не остались без пользы»; значит, он не был философом. Тогда Юстин

15

1. Отцы-апологеты

пожелал учиться у пифагорейца, но этот наставник потребовал, чтобы прежде он научился музыке, астрономии и геометрии; Юстин не захотел тратить время на эти предметы. Более полезной оказалась встреча с учениками Платона. От них он действительно узнал то, что стремился узнать. «Постижение бестелесных предметов, — рассказывает Юстин, — захватило меня в высшей степени; созерцание идей окрыляло мой дух, так что вскоре я возомнил себя мудрецом; я преисполнился надежды, будто вот-вот узрю Бога: ибо такова цель философии Платона»*. В философии Юстин искал естественную религию, поэтому неудивительно, что позднее он отказался от платонизма в пользу другого мировоззрения. В своем уединении, куда Юстин удалился для размышлений, он повстречал некоего старца, который стал задавать ему вопросы о Боге и о душе; когда он отвечал ему, излагая взгляды Платона на Бога и на переселение душ, старец указал на явную несообразность: если души, которые видели Бога, должны Его впоследствии забыть, то их блаженство призрачно и мучительно; а если те, кто недостойн видеть Бога, в наказание за свое недостойнство остаются в плену у своих тел, то это наказание бесполезно, поскольку они его не чувствуют. В ответ Юстин привел доводы из «Тимея»; старец возразил, что его не волнует ни «Тимей», ни платоновское учение о бессмертии души. Если душа бессмертна и живет вечно, то это не потому, что она есть жизнь, как учит Платон, а потому, что она получает ее, как учат христиане: душа живет, потому что того желает Бог, и живет так долго, как Он желает. Такой ответ кажется нам сейчас слишком простым, почти банальным, но он резко прочерчивает демаркационную линию, отделяющую христианство от платонизма. Юстин спросил тогда, где он может прочитать об этом учении; ему сказали, что этого нет ни в одном творении ни одного из философов, — это